

Матвеев А.К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 77–85.

Материалы для изучения сельских поселений России: Докл. и общ. третьей науч.-практич. конф. "Центральночерноземная деревня: история и современность". Воронеж, 1994. Ч. 1: Язык и культура.

Рейнке М.Ф. Гидрографическое описание Северного берега России. СПб., 1883.

Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV века. СПб., 1903.

И.С.Просвирнина

К вопросу о членимости / связанности составных наименований в русской топонимии

Русские географические названия не исчерпываются однословными с одним корнем номинациями (типа *Москва́*, *Березни́кий* и др.). Структура топонима может быть двух- или трехсловной, включать в себя четыре–пять слов. При объединении компонентов таких расчлененных структур возникает словосложение. Но тогда как во многих языках словосложение является основным приемом топониминации, в русском языке композитные топонимы – чаще вторичные сращения разного рода (*Черногря́зи*, *Белоя́рка* и др.) либо кальки с финно-угорских или тюркских языков (типа *Кре́стозеро*). Соответственно в русской топонимии, а особенно в микротопонимии, распространены многочленные структуры (*Больше́е Су́слово*, с.; *Га́льской За Ре́чкой*, руч.; *Бережо́к Пони́же Кобы́льей Ямы*, покос), в которых топоним разветвляется в большинстве случаев за счет определяющей части.

Наиболее распространенная и продуктивная форма составного топонима – субстантивное словосочетание, в котором со стержневым компонентом – существительным – согласовывается прилагательное, определяющее, дифференцирующее объект. Такой же тип топонимов в агглютинативных языках Г.Е.Корнилов называет "атрибутивной синтагмой", в определяемой части которой находится "отвечающий реалиям географический номенклатурный термин" (Корнилов 1967, 123).

Однако любая структурная классификация русской топонимии, по количеству компонентов в составе топонима в том числе, будет непоследовательной, так как зависит от того, выносит ли интерпретатор

географический термин за пределы топонима или нет и что он считает термином. Собственный языковой и географический опыт позволяет исследователю членить топоним по своему усмотрению и решать, вывести ли термин за пределы топонима или продублировать его. Если употребляемый компонент является общепотребительным географическим термином, то при фиксации на картах, в словарях географических названий обычно избирается первый вариант: **Чёрная, р.; Белое, оз.** Но в речи второй компонент часто сохраняется – иначе могут создаваться определенные трудности при коммуникации и идентификации объекта. Отсюда разноречивость в географических изданиях, когда под давлением речевой традиции приходится фиксировать: **Онежское озеро, Черное море** наряду с **Белое, оз.; Тройной, о.** и др.

Помимо традиционных употреблений, еще одним препятствием для членения составных топонимов являются семантические связи, возникающие между компонентами топонима, а также между топонимом и термином. Во многих случаях следует говорить о семантических связях как причине закрепления в топонимии составных наименований. Таким образом, членимость / связанность составных топонимов обусловлена характером отношений их компонентов.

Представим структуру двусоставного топонима в таком виде: определяемая часть топонима, выраженная существительным и называющая, квалифицирующая географический объект – *квалификатор*; определяющая часть топонима, выраженная прилагательным и дифференцирующая объект – *дифференциатор*. Вместе квалификатор и дифференциатор образуют “атрибутивную синтагму” – *собственно топоним*. Но также необходимо учитывать и обозначение вида объекта, географический *термин*, идентифицирующий объект (будучи последовательными, можем называть его также *идентификатором*), который может оставаться за пределами собственно топонима, лексически не совпадать с квалификатором. Например, для топонима **Железные Ворота**, где квалификатор – **Ворота**, дифференциатор – **Железные**, географическим термином служит **пролив**, в других случаях – **остров, мыс, поле** и др., для топонима **Белая Речка**, где квалификатор – **Речка**, дифференциатор – **Белая**, географическим термином в зависимости от объекта может быть **река, покос, озеро, деревня** и др.

В некоторых случаях общепотребительный термин (**море, озеро, река, лес** и т.п.) и квалификатор совпадают (**Ржавое озеро, Шалый холм**). Соответственно возникает стремление отделить квалификатор как нечто само собой разумеющееся от дифференциатора, оставив “голым” прилагательное. Но это не всегда оправданно. Если связь дифференциатора и квалификатора-термина для языка остается формально-грамматической (**Песчаное, оз.; Новая, гора; Гагарье, бол.**), то расчленение топонимической единицы возможно, хотя в коммуникации, как уже отмечалось, не всегда используется. Если же связь диффе-

ренциатора и квалификатора-термина становится семантической, топонимический комплекс закрепляется, терминологизируется, способен воспроизводиться.

Рассмотрим, например, широко распространенный составной топоним **Чёрная Речка**. Если этот топоним называет какую-либо реально существующую реку (а не покос, деревню или другой географический объект на этой реке) и, соответственно, квалификатор и термин совпадают, возникает вполне понятное желание унифицировать название по типу **Черная, р.** Но по данным речевых употреблений ТК СТЭ, а также словаря Э.М.Мурзаева (Мурзаев, 612) составной топоним **Чёрная Речка** терминологизировался повсеместно как **чёрная речка**, обозначая реки, собирающие болотные воды, черные по цвету, глухие, стоячие, а также родниковые, незамерзающие, начинающиеся из источников. Примечательно замечание автора словаря, что "черных речек великое множество... но ни одной большой". В контекстах ТК СТЭ типа: *Узрюмая такая речка* (Арх.) видна также экспрессивность, вкладываемая диалектоносителями в определение **черная**.

Вшивая горка – переходный случай между топонимами, в которых квалификатор и термин совпадают, и топонимами, где такого совпадения нет, так как этим комплексом чаще называется не географический объект "гора", а часть населенного пункта, неадминистративный район, возможно, и возвышенный по отношению к соседним. Квалификатор **горка** является общеупотребительным термином, хотя и слегка трансформированным, а значит, свойство "быть СИ" (собственным именем) (см.: Топоров 1962; Корнилов 1967) здесь выражено минимально, так же как и в предыдущем примере. Существенную роль при этом играет переход термина одного объекта в квалификатор другого объекта, но наиболее важен для закрепления связи между компонентами составного топонима экспрессивный дифференциатор (**вшивая**) – одновременно, может быть, метафорический (густонаселенный барачный район) и метонимический (антисанитарный). Это же определение, так же как и в примере с **Черной Речкой**, может сопутствовать и другим терминам (**Вшивое**, бол.; **Вшивый**, руч.; **Вшивый**, клёч), но в этих случаях легко отделяется от них, о чем свидетельствует конденсация (**Вшивка**, руч.; **Вшивец**, руч.). В этих двух примерах следует отметить особую, "обыгрывающую" термин роль уменьшительного суффикса -к-, позволяющего в некоторой степени увеличить свойство "быть СИ" общеупотребительных географических терминов.

Для рассмотренных случаев, когда в двусоставных топонимах квалификатор и термин совпадают, терминологизация топонимического комплекса (**черная речка**, **вшивая горка**) является важнейшим критерием возникновения между дифференциатором и квалификатором новых, более тесных семантических связей. Членение такого типа составных топонимов невозможно без ущерба для их значений.

В том случае, если квалификатор и общеупотребительный географический термин не совпадают, на месте квалификатора может оказаться любой субстантивный компонент, но чаще всего место квалификатора занимает диалектный географический термин, может быть, также широко известный (*нос 'мыс', гри́ва 'возвышенность', го́рло 'пролив'*). Не останавливаясь подробно на вопросе о свойстве "быть термином", отметим только, что лестница между малоупотребительным термином и общеупотребительным имеет множество ступеней: если внизу – переходные случаи между топонимами и терминами, часто встречающиеся компоненты в составе топонимов, индивидуальные для каждой территории (*кули́га, коври́га, клин* – покос); в центре лестницы – частотные, но обычно не отделяемые от дифференциатора, термины (*нос 'мыс'*), то наверху – термины географических атласов, которые, однако, не теряют способности к вторичной топонимизации, как и любая другая ступень.

Необходимо также различать подход диалектоносителя, человека, живущего на данной территории, или человека, владеющего этой географической терминологией, и подход, интерпретацию стороннего наблюдателя, собирателя материала. Многие диалектные географические термины, а тем более прошедшие терминологизацию только на небольшой территории, могут быть неизвестными для носителя литературного языка и, наоборот, общеизвестные географические термины могут оказаться неизвестными или малоупотребительными на данной территории. Таким образом, общая лестница от малоупотребительных терминов до общеупотребительных – построение гипотетическое, ее основание разделяется на множество ответвлений.

Многие из диалектных географических терминов образованы на базе метафоры по антропоморфическим моделям (*го́рло, губа́, воро́та, коври́га, ча́ша, по́яс*), хотя много и не метафорических, функциональных (*по́жня, чисть, ко́нец*). Метафорические по происхождению термины в определенном синтагматическом окружении сохраняют способность проявлять семантические связи мотивирующего слова, что немаловажно для составного топонима. Стершаяся при терминологизации внутренняя форма метафоры вновь оживает при соприкосновении с семантикой дифференциатора. Именно метафорические по происхождению термины особенно "охотно" вступают в семантические контакты с определением, поскольку их семантика вдвое богаче изначально. При присоединении к термину дифференциатора возникает новая ступень номинации – двусоставное географическое название. Необходимо отличать от такой ступенчатой номинации цельнообразованные двусоставные наименования разных видов: метафоры (*Кобы́и Уши*, скала; *Оле́ний Язы́к*, покос), метонимии (*Лисьи Но́ры*, лес), экспрессивно-метафорические названия (*Золото́е Доны́шко*, оз.; *Че́ртова Роди́на*, поляна) и фразеологизмы, характерные для искусственной номинации

(Красный Север, коммуна). Семантические отношения между компонентами цельнообразованных составных наименований задаются в момент номинации, обусловлены задачами отражения особенностей объекта и подчиняются семантическим законам, действующим в апеллятивной лексике. Семантика составного топонима в этом случае представляет собой изначально единое целое и, подобно семантике однословного топонима, целиком связывается с денотативным пространством соответствующего географического термина (здесь: скала, покос, лес, озеро, поляна) и присваивается определенному географическому объекту.

В двусоставных ступенчатых наименованиях каждый компонент топонима индивидуально соотносится с объектом, а отношения между компонентами больше обусловлены системой языка, чем реальными географическими особенностями объекта. Так, названия Журавлиный Нос или Лисий Нос в большинстве случаев расшифровываются как "мыс, на котором водятся журавли (лисы)", но семантические отношения между компонентами топонимов диктуют и другую интерпретацию: "мыс в форме журавлиного (лисьего) носа", тем более что эта модель вписывается в продуктивную для русского Севера модель номинации (ср. Волчий Нос, Конный Нос, Крысий Нос, Собачий Нос), хотя первичная мотивация могла быть здесь совершенно различной. В данном случае можно говорить о семантической соотнесенности дифференциатора и квалификатора, случайном или намеренном семантическом соответствии компонентов в зависимости от мотивов номинации. Различные по мотивам, номинации соединены между собой народной этимологией, которая Журавлиный Нос объяснит не только наличием журавлей, но и сходством объектов, а Бесов Нос не только наличием непонятных следов, знаков, рисунков, но и опасностью места или соответствующим мифом. Во многих случаях невозможно определить, какая мотивация первична.

Народная этимология становится более актуальной и даже единственной, если отобъектный дифференциатор больше не соответствует реальности: лисы вывелись, журавли не прилетают, "бесовские" следы разрушились, а названия с этими эпитетами сохраняются. В других случаях разные народные этимологии мирно сосуществуют (Собачий Нос, мыс: *худое место и собака пала там*), в третьих, – мотивация связана с антропонимией (Петухов Нос, покос: *мужик Петух там косил, так его чищенина*), в четвертых, – преобладает мотивация по форме объекта (Конный Нос, покос: *как лошадиная голова* или Крысий Нос, покос: *он выделился острый, как крысий хвост*). Так или иначе, ступенчатая номинация, где к уже существующему термину-квалификатору присоединяется дифференциатор, наделяется зачастую народной этимологией цельной семантикой. То же самое происходит и в случаях, когда дифференциатор и квалификатор семантически не соответствуют

друг другу. Так, для диалектоносителя или человека, владеющего географической терминологией, нет противоречия в комплексах типа **Прибрежная Кóшка** или **Плóская Кóшка**, но такое семантическое несоответствие компонентов мешает в восприятии и понимании географического названия человеку, который больше опирается на собственную языковую компетенцию, чем на знания из области географии. Этимология терминологизированного компонента **кóшка** из зыр. **кoск** 'отмель' (Фасмер II, 360) снимает противоречие в сочетаниях **Плóская Кóшка**, **Прибрежная Кóшка** и, казалось бы, исключает эти слова из группы составных наименований с метафорическим географическим термином в роли квалификатора, однако народная этимология и здесь дает вторичную мотивацию на базе русского **кóшка** в контекстах типа *как кошка, суда ловит; перемещается, как кошка*. Таким образом, фонетическая и лексическая обработка, приведшая к совпадению лексем, вызывает, в свою очередь, и семантическую интерпретацию. ОпределиТЕЛЬ при этом не связан семантически с термином, его значение адресуется собственно географическому термину, то есть идентификатору, вынесенному за пределы топонима: **Плóская Кóшка**, *отмель*.

Отмеченные случайные семантические соответствия, а также несоответствия между компонентами составных наименований в силу своей случайности допускают членение топонимов, тогда как намеренные семантические соответствия предполагают наличие между дифференциатором и квалификатором тесных семантических связей. (Под понятием "намеренные" здесь подразумеваются соответствия, обусловленные языковыми семантическими связями, когда выбор дифференциатора при номинации зависит от семантики квалификатора, и весь семантический комплекс описывает объект, а не каждый компонент в отдельности описывает отдельные признаки объекта).

Особую роль в создании намеренных семантических соответствий играют отантропонимические определения, изначально символические и экспрессивные или впоследствии приобретающие такие характеристики (**Ду́нькин Пуп**, сопка; **Матрёнин Квас**, руч.). В этом случае терминологизированный квалификатор (**пуп** 'возвышенность, сопка, поле, лес – объект округлой формы'; **квас** 'водный объект, источник с особой, мутной или минеральной, водой') потеряет в большой степени свою ироническую коннотацию без поддержки дифференциатора.

Такие же тесные отношения возникают между дифференциатором и квалификатором, когда в соответствии с задачей номинации – обозначить известный объект, но с уточнением его типа или формы, – квалификатору (например, **го́рло** 'пролив') придается дифференциатор, уточняющий тип объекта: **Журавлиное Го́рло** – узкий длинный пролив, **Бычье Го́рло** – узкий короткий пролив, **Соба́чьи Го́рла** – труднопроходимые пороги. Подобную модель номинации мы наблюдали в примерах типа **Кони́ный Нос**, **Кры́сий Нос**, но там речь шла о единичных, ра-

зовых номинациях, здесь же составные наименования приобретают настолько четкий терминологический смысл, что могут в таком составном виде терминологизироваться на определенных территориях и присваиваться не только водным объектам, но и другим географическим объектам с подобными признаками.

Экспрессивный дифференциатор **собачий**, подобно упомянутому выше экспрессиву **вишивый** может сочетаться с различными метафорическими и неметафорическими по происхождению квалификаторами. Но наиболее тесные фразеологические отношения возникают в комплексе с другим распространенным экспрессивным компонентом **дыра** (ср. Евсеева **Дыра**, урочище). В таком виде (**Собачья Дыра**) составной топоним может называть различные географические объекты, объединенные признаком труднопроходимости, опасности, о чем свидетельствуют контексты: **Собачья Дыра**, лес – *гибло место тако; Собачья Дыра*, протока – *странно место, там не проплывешь без муки; узкое место*.

Подобную судьбу имеет и не столь экспрессивно нагруженный топоним **Железные Ворота**, широко распространенный на русском Севере. В этом случае семантические отношения между квалификатором и дифференциатором также становятся настолько тесными, что это приводит к определенной фразеологизации наименования. Метафорический термин **ворота** 'узкий пролив, проход, узкое место' получает дифференциатор **железные**. Прямое значение слова **железный** 'из железа, связанный с этим металлом' ничего не дает для выяснения семантики словосочетания. Но при том, что месторождений железных руд нет на русском Севере, эпитет **железный** часто встречается в составе топонимов на этой территории (**Железные Гоны**, **Железный Бор**, **Железный Наволок**, **Железный Нос**, **Железный Ручей**) и в виде самостоятельной топонимической единицы (**Железный** – перекат, ручей, мыс; **Железное** – поле, болото).

Значение 'цвет железа' также не является достаточным основанием для формирования такого количества топонимов, за исключением случаев когда речь идет о ржавом цвете воды или земли, и не проясняет семантику устойчивого сочетания **Железные Ворота**. Переносное значение 'крепкий', которое часто встречается в составе фразеологизмов (ср. **железная хватка**, **железное терпение**), а также 'прочный', 'тесный', 'жесткий', 'устойчивый', не является достаточным эквивалентом понятия **железный** в составе словосочетания **Железные Ворота**, обозначающего пролив. Наиболее адекватная интерпретация переносного значения **железный** для топонимов – 'сопряженный с трудностями, трудноосваиваемый, труднопреодолимый'. В пользу этого говорит и наличие на русском Севере топонимов **Железные Ворота**, называющих не только проливы, сложные для судоходства, но и другие трудные для передвижения или обработки объекты.

Таким образом, топоним **Железные Ворота** терминологизируется в виде устойчивого сочетания, а терминологизация, как уже говорилось, является одним из критериев появления тесных формально-семантических (вплоть до фразеологических) связей между квалификатором и дифференциатором.

Проблема членности / связанности русских составных топонимов (в частности двусоставных атрибутивных синтагм с более-менее терминологизированным компонентом в определяемой части) во многих случаях не решается без анализа семантических отношений между квалификатором и дифференциатором топонима, квалификатором и термином, топонимом и термином. В наибольшей степени это касается случаев, когда квалификатор и географический термин совпадают. В остальных случаях речь идет о степени сцепленности, формальной или семантической связанности компонентов вплоть до возникновения нового фразеологического значения топонимического комплекса в результате взаимодействия значений компонентов этого комплекса.

Литература

Корицлов Г.Е. О типах топонимов в агглютинативных языках // Вопросы языкознания. 1967. № 1. С. 121–128.

Топоров В.Н. Из области теоретической топонимистики // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3–12.

Ю.В.Алабугина

Календарное имя в севернорусских говорах

Употребляемые русским населением нерусские по происхождению календарные имена прошли тысячелетний путь русификации, вследствие чего в настоящее время они выступают в говорах в разнообразных формах, являющихся неофициальными вариантами канонических личных имен. Отсутствие полного свода русских личных имен, который учитывал бы все известные их варианты как зафиксированные в памятниках письменности, так и существующие в русских народных говорах, во многом сдерживает не только антропонимические, но и ономастические исследования.

Исследуя календарные имена, ученые обращаются преимущественно к памятникам деловой письменности, так как именно в них содержится значительное количество антропонимов. Не отрицая значения данного источника, хотелось бы обратить внимание на то, что в связи со становлением норм всех уровней деловой письменности уже в